

Андрей Грицман

Незримая ватерлиния

* * *

Долгий бессмысленный дождь.
Грусть по долинам и взгорьям.
Скажешь себе: ну и что ж?
Может, доедем до моря.
Там, где заветный маяк
Дальним лучом освещает
Путь до слияния рек,
Где горизонт обещает
Контур страны без имён,
Стран безграничных за картой.
Резкий пронзительный звон!
Я просыпаюсь за партой.

Письмо из Текоа

Игорю Бяльскому

Все нормально — сжав зубы.
Теракты практически каждый день.
Сегодня утром хоронили
учителя школы из соседнего поселения,
в которой работает и Майя, наша невестка.
Господь велик, но Аллах акбар.
Но ...и это пройдёт, как сказал
древнейший классик.
Светел образ его:
столб огня ночью,
облако пыли днём,
застывшие навсегда
над Oswięcim.

Андрей Грицман (1947) — поэт, эссеист, переводчик. Родился в Москве, с 1981 года живет в США, работает врачом. Пишет по-русски и по-английски. Автор многих сборников стихов и книг эссе. Основатель Международного клуба поэзии в Нью-Йорке.

* * *

Ека Ефи

Что нам осталось, что нам осталось?
Несколько слов не досказалось.
Бар на Тверской, Ярославский вокзал,
трансатлантический мост, электричка,
Аэрофлот, океана слеза
и телефонная переключка.

Много ли мало, не важно теперь.
Где эта улица, где эта дверь?
Сколько осталось, много ли мало?
Нас закрывает одно покрывало.
Вместе и рядом.
Пространство и время.
Нежность нельзя килобайтом измерить.
Это и есть та самая доля.
Светится электронное поле.
Вот и осталось: кивок на экране.
Я не прощаюсь на срок и заранее.
Знаю ответы: срок не отмерен.
Что же осталось?
Пространство и время.
В жизни, мне данной, так получилось:
прядь и очки, через границы,
голос в ночи
и знак на ключице.

* * *

Виталию Науменко

Сквозь блажь Москвы,
Сквозь гарь пристанционных городов,
Сквозь градообразующий маразм
Негромко слышен то ли шум листвы,
То ли души, читающей с листа.

Так траектории небесных бранных тел
Вдруг сходятся в купе или в кафе.
Плывёт нетленный пух и чёрный снег, и эхо —
И весь пейзаж летит к нам налегке.

На волосок от крайней полосы,
Где отчужденье мороком висит,
В бессонном предрассветном молоке
Она одна наедине стоит.

Одна она, знакомая жена,
Сестра сквозной полуреальной жизни.
Там часовые пояса горят дотла
В закате на заре, и самолеты виснут,

И гул плывёт туманом на рельеф,
Дикорастущий быт на слух меняя,
Шумит вода, скрипит весло, паркет?
Сочится речь, неслышная, живая.

* * *

Я подумал, что Уэльбек прав.
Я пил каберне, читал Уэльбека.
Что случится завтра, было вчера,
Общее место отмерено человеку.

Вокруг гвалт субботний, американские девки
манерно визжат, будто жизнь получилась.
Циклон плывёт на Дальний Восток, на запад,
и я напиваюсь легко, в полсилы.
Помнишь — в поэзии нет оправданья.
Мерцает незримая ватерлиния.
Всю жизнь дожидаясь с ней свиданья,
Хоть голова давно уже в инее.

И имя твоё — личина распознавания.
Полезно уехать в страну артиклей.
Кто коронован своим умлаутом,
кто держит за хвост свой *Fin de siècle*.

Держаться подальше от всех названий,
от наименований в сухой анкете.
На этом безвременном расстоянии
ты всё же заметен в рассеянном свете.